

A full-page photograph of a man with short, dark hair and a light beard, wearing a black turtleneck sweater. He has his arms crossed and is wearing a watch on his left wrist. The background is a blurred office setting.

МАРЬЯ
КОВАЛЕНКО

Страсть
сильнее мести

ПОКРОВИТЕЛЬ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Марья Коваленко

Покровитель

<https://litres.ru/74435377>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Ты не моя проблема. Но раз уж оказалась здесь, будь добра соблюдать простые правила.

Улыбка на губах моего тюремщика превращается в оскал.

– Первое, – загибает большой палец. – Будь послушной. Никаких скандалов и истерик.

– Второе. Никаких гостей! Позвонишь своему парню, попрощаешься с моей помощью.

– Третье. Любые поездки в город – после согласования с охраной. То есть никуда и никогда!

– Четвертое. Ты не лезешь в мои дела. Не задаешь вопросов. Видишь закрытую дверь, слышишь чьи-то стоны – проходишь мимо.

– И пятое... – Михаил наклоняется ближе. Голос становится ниже. А от слов, которые он произносит, по телу бегут мурашки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	68
Глава 14	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Марья Коваленко

Покровитель

Глава 1

Михаил

– Охренеть! И это мамаша?

Макс, мой помощник и временный водитель тихо откашливается.

– Слюни подотри, – хмыкает Руслан Бадоев. – На морозе небезопасно.

– Спасибо, бабушка, за заботу, – огрызается Макс, продолжая облизывать взглядом вышедшую из такси дамочку.

Как по мне – смотреть там не на что. В Штатах есть «Силиконовая долина», а у нас здесь – силиконовые бабы.

Эта одна из них. Сверху – меха и шелка, каблуки по блядской моде девяностых и блондинистый хвост до задницы. А под всем этим фасадом – сорокадвухлетняя мамаша, тюнингованная пластическими хирургами от бровей до пяток.

Губы уткой, грудь двумя спелыми кокосами и даже вагина ушита, чтобы было тесно, как у молодой.

– М-да, и тебе ее еще месяц трахать? – Руслан сочувственно хлопает меня по плечу.

– Обойдусь без соболезнований, – кошусь на давнего дру-

га.

По-хорошему, сегодня Руслан не нужен. Его ценный опыт пригодится нам всем позже, когда станет жарко. Но раз уж вызвался сопровождать – пусть будет. Если кто-нибудь сядет на хвост – он разберется.

– Жаль, босс, вас нельзя заменить... – тоскливо тянет Макс, – я бы все силы положил на выполнение задания.

– Вот все закончим, тогда и сменяй! Хоть сотрись!

Дольше ждать нельзя. Потому я отряхиваю снег с ворота пальто и иду к подъезду. По давней ментовской привычке оглядываюсь по сторонам. Замечаю минивэн на углу. В нем водила хлещет кофе из бумажного стаканчика и старательно изображает, что рассматривает птичек на ближайшем дереве.

Цепляюсь взглядом за дворника, который метет метлой на одном месте, словно привязанный.

Слежка как в дешевых боевиках – ни техники, ни фантазии.

Впрочем, уже скоро мне становится не до нее. Когда подхожу к двери подъезда, Лариса театрально поскальзывается на ровном месте и падает прицельно в объятия.

– Миша? – На пухлых губах расцветает улыбка, а холодная сосредоточенность быстро меняется на безобидную рассеянность.

– Ждала кого-то другого?

Будто гипнотизируя, длинные ресницы делают несколько

медленных взмахов, и женщина в моих руках умудряется развернуться на сто восемьдесят градусов.

– Ты приехал, а я еще не собралась.

– Никаких проблем. Подожду на улице. – Киваю в сторону машин. Своей и Бадоева.

– Да, я быстро... – Тонкий шарфик незаметно сдвигается вбок, обнажая фигуристое декольте. – Только... Миша, так получилось, дочка поедет с нами.

– Какого черта? Она же должна прямо сейчас вылетать в Осло.

Зашибись! Не хватало мне еще охранять яблочко от этой яблоньки!

Младшей Покровской здесь вообще делать нечего. Я еще месяц назад договорился о стажировке для нее в Норвегии. Денег отвалил, чтобы девке дали место в редакции. Заплатил, чтобы за ней присматривали. И в случае необходимости – спрятали.

– Влада отказалась ехать, – жмет плечами Лариса. – Я убеждала, что здесь небезопасно. Но у нее работа и парень. Почти жених!

– Так пусть берет отпуск, и с парнем валят куда-нибудь вместе!

– Ой, это молодежь! У них все так сложно... – Она облизывает губы и вжимается в меня своей грудью.

Манипуляция уровня клубной бабочки. Как для дебила.

– Сложно будет, если дружок твоего покойного мужа до

нее доберется. – Чтобы не выругаться вслух, я делаю медленный вдох и еще более медленный выдох.

– Миша, у тебя огромный дом. А моя девочка... Она не займет много места.

Перспектива оказаться в доме с двумя Покровскими не радует от слова «совсем». И если со старшей все понятно – она и носа не сунет дальше моей кровати. То, как отвлекать младшую... тут фантазия буксует.

– Ага. Дюймовочка. Двадцатитрехлетняя.

Снова кошусь на минивэн. Чутье говорит: «Забей! Увози мамашку и делай свое дело». Но опыт против. Вместо слов он рисует в воображении картинку, на которых младшую Покровскую суют в эту тачку и увозят туда, откуда уже не возвращаются.

Так себе зарисовки. Ни хрена от них не весело. И уж точно мимо плана.

– Скажи ей, чтобы дома сильно не отсвечивала, – нехотя соглашаюсь я.

– Спасибо, Миша. – Лара, как дворниками, работает своими ресницами. – Мы даже видеть ее не будем. Я обещаю, – мурлычет мне на ухо.

И чутье, которое еще ни разу не подводило, сухо цедит: «Ты попал».

Глава 2

Влада

– Я не буду жить в доме твоего любовника! – вырываю из рук водителя свою сумку и оборачиваюсь к матери.

– Влада, не говори глупости! У Миши большой дом. Всем хватит места. К тому же он может обеспечить нам безопасность.

Мать даже не смотрит на меня. Все внимание достается зеркалу и новому колье, которое выгодно подчеркивает высокую грудь.

Не удивлюсь, если именно на это силиконовое счастье ушли наши последние сбережения. В вопросах улучшения своей внешности мама никогда не знала слова «экономия».

Мисс Москва – две тысячи героически сражалась с каждой морщинкой и каждым лишним килограммом. Благодаря состоянию покойного отца и целой команде хирургов, тренеров и массажистов она смогла-таки остановить время.

К сожалению, кроме вечной молодости мама умудрилась нажить еще и неприятности. А точнее – кредитора, которому вместо денег потребовались акции, доставшиеся нам по наследству от отца.

– Давай, ты поживешь со своим любовником как-нибудь без меня. Я остановлюсь у Паши, он уже год предлагает съехаться. Возможно, это знак.

– Твой Паша, конечно, хороший мальчик, но от наших проблем он не защитит.

– А этот Михаил, которого ты знаешь всего неделю, значит, справится?

Идея с переездом пугает все сильнее. Да, мама всегда легко сходилась с мужчинами. Даже с тем, кто младше.

В отличие от меня она никогда не топчется на пороге между знакомством и кроватью. Однако этот ее новый любовник... мы еще не знакомы, а он мне уже не нравится.

Какой нормальный мужчина спустя неделю предложит переехать к себе домой?

Зачем ему разбираться с чужими проблемами, да еще приглашать в дом балласт в виде взрослой дочери своей любовницы?

Как он вообще представляет нашу жизнь втроем?

– У Миши лучшее в городе охранное агентство, к тому же он настоящий мужчина! – задумавшись, мама расстегивает еще пару пуговиц на блузке.

– Ты так говоришь обо всех своих бывших!

Оттолкнув в сторону зазевавшегося водителя, я протискиваюсь к двери.

– Милая, ты просто завидуешь.

За моей спиной раздается громкий смех.

– Да, конечно, – стиснув зубы, я стараюсь выбросить из головы воспоминание, в котором моя красавица-мать опускается на колени перед моим парнем и расстегивает его ши-

ринку.

– Только давай не будем вспоминать тот случай! – будто читает мысли, отмахивается мама. – Я тебе уже несколько раз все объяснила. Это была обычная проверка. Должна же я была выяснить, насколько серьезно Павел относится к моей дочке!

– Не продолжай!

На улице настоящая метель, но я не могу больше находиться в этой квартире. Схватив куртку, сую ноги в теплые сапоги и, как была – в свитере и джинсах, выбегаю за дверь.

Стоит высунуть нос на улицу, город равнодушно швыряет в лицо горсть снега.

– И ты сошел с ума! – промахиваясь мимо рукавов куртки, огрызаюсь я Северной столице.

– Говорят, идиоты находят друг друга, – доносится со стороны грубый мужской голос.

– Это вы мне? – в шоке разворачиваюсь.

– Не вижу здесь других сумасшедших, – с еще большей насмешкой в голосе произносит двухметровый амбал и как ни в чем не бывало затягивается сигаретой.

– Вам кто-нибудь говорит, что грубить незнакомым неприлично?

Сама не знаю, какой черт дергает меня за язык. Наверное, это аффект.

Пружина, которая сжималась последние два дня из-за

угроз, появления Михаила и споров с мамой, вдруг распрямилась и вырубилла напрочь весь мой страх.

– Без тормозов, да?

Так и не докурив, мужик бросает сигарету. Не глядя, падает в заснеженную урну. И делает шаг навстречу ко мне.

– Это кто еще из нас без тормозов?

Вздернув подбородок, я смотрю в глаза хаму и от адреналина совсем забываю о своей куртке.

– По заднице бы тебя отшлепать. – Внимательный взгляд проходится по моей фигуре. На миг задерживается в районе груди... обычной, натуральной, совсем не такой пышной, как у мамы. И затем поднимается к губам. – В воспитательных целях.

– Угрожаете?

Вменяемая часть меня требует бежать. Прямо сейчас и подальше. Но другая часть, шальная – заливает на синих глазах мерзавца, на высоких скулах, на колючем квадратном подбородке с блядской ямочкой, на губах... четко очерченных, слишком красивых для того, кто угрожает расправой незнакомым девушкам и почему-то на шее. Мощной, как у быка. С тонким шрамом рядом с веной.

– Ну, ты точно поехавшая.

Замечаю, как дергается кадык и как во взгляде нахала что-то незаметно меняется.

– От поехавшего и слышу.

Пятясь, делаю один шаг назад. Другой. Третий. И не ожи-

данно упираюсь во что-то твердое. В капот машины. Настоящего танка на колесах. Квадратного и громадного, как неандерталец, прижавший меня к этому капоту.

– Пожалуй, я ошибся, – с хрипотцой произносит здоровяк. – Тебя нужно шлепать не по заднице. – Он ведет большим горячим пальцем по моему подбородку и, склонившись к уху, добавляет: – А по губам. Членом.

– Вы... Ты...

Я замираю, как под гипнозом. Внутренний голос поздравительным тоном вещает: «Молодец, Влада! Ты доигралась!» Ожившие извилины командуют: «Беги, дура! Беги!»

Сердце в панике начинает колотиться все быстрее. Бьется о ребра с такой силой, словно тоже хочет смыться отсюда поскорее.

– Я сейчас... закричу, – с запинкой выдавливаю из себя. – Весь квартал услышит, – шепчу, с трудом ворочая языком.

Амбал с плотоядной ухмылкой раскрывает рот. Вероятно, чтобы сказать, как именно он собирается бить меня своей штуковиной по губам.

Но вместо его голоса с порога внезапно доносится воодушевленный крик мамы:

– Миша, Влада, вы уже познакомились?! Отлично! Можно ехать!

Глава 3

Влада

В машине меня трясет. Мама тут же объясняет дрожь тем, что я замерзла. Ругает, как маленькую, что выбежала, не одевшись.

К счастью, ее новая «любовь всей жизни» ничего не комментирует. Будто мы два бестолковых попугайчика, которые щебечут что-то на своем птичьем, он изредка бросает в нашу сторону раздраженные взгляды и полушепотом переговаривается о чем-то с водителем.

Я честно пытаюсь не смотреть в его сторону, но невольно отмечаю широкие плечи, жесткую линию челюсти, крупные руки с выступающими венами. Шею... Я никогда не была фетишисткой, однако на его шее почему-то клинит.

Зачем владельцу бизнеса такая шея? Зачем ему вообще быть таким большим, словно он не босс, а специалист по выбиванию долгов.

Стараясь разобраться в себе, я отворачиваюсь к окну и кручу в руках мобильный.

Паша еще час назад обещал мне перезвонить. У него на работе какие-то срочные вопросы, но как только освободится...

– А не слишком ли далеко мы уехали? – спрашиваю я, когда машина выезжает на загородную трассу.

– Дом в пригороде, – не оборачиваясь, отвечает Михаил.

– В пригороде или в соседней области?

Попой чувствую, как машина набирает скорость.

– Ехать еще минут двадцать. Устроит?

Сдерживая за зубами «нет», я упираюсь взглядом в спинку переднего сиденья и еще сильнее сжимаю телефон.

Улыбаясь на все тридцать два, моя мама даже не пытается вмешиваться. Вместо расспросов о том, куда мы и насколько, она фонтанирует эпитетами Михаилу. Рассказывает о том, что давно мечтала пожить за городом. Вслух предвкушает, как станет дышать свежим воздухом и слушать тишину.

Дорога действительно занимает минут двадцать, хотя по ощущениям прошла целая вечность.

Когда машина, наконец, останавливается перед воротами, я выдыхаю от облегчения и сразу же избавляюсь от ремня безопасности.

– Забор по всему периметру. Ворота только здесь, – равнодушным тоном предупреждает нас хозяин.

Мне так и хочется сказать: «Как в тюрьме», но открывшаяся за воротами картинка останавливает.

Если это тюрьма, то для элиты! С заснеженным садом камней, узкими дорожками, пушистыми голубыми елями и домом.

Это не особняк из кругляка и не замок под старину, как у бывших друзей отца. Будто презирает все эти мещанские

веяния, загадочный Михаил построил для себя простой одноэтажный дом из темного кирпича с панорамными окнами и плоской крышей.

– Миша, это прелесть! – восхищенно выдыхает мама, едва мы выходим из машины.

– Ваши комнаты в правом крыле, – вместо «Будь как дома, любимая», чеканит хозяин.

– Я с удовольствием могу остановиться в твоей.

Мама включается в свою амурную игру. И пока они не ушли «заселяться», я уточняю:

– А в какой стороне ближайшая остановка?

Михаил цокает языком.

– Километра три по трассе. И до нее еще километр.

– Просто замечательно, – цежу сквозь зубы, с ужасом представляя, как буду топтать этих четыре километра в мороз, без фонарей, по свежему снегу.

– Милый, а проведешь экскурсию? – Мама уже летит к крыльцу, не дожидаясь нас.

Следом должна прозвучать фраза о том, что по берлоге мужчины можно узнать о его характере. Обычно мама не брезгует такими штампами. Однако с Михаилом ее не узнать.

Словно решила полностью поменять свою тактику, она покорно замирает у крыльца. И лишь когда хозяин открывает дверь, послушно, без лишней суеты входит в дом.

Пока эти голубки воркуют о том, кто где будет спать, я, как и приказано, топаю в правое крыло. Не надеясь ни на что особенное, захожу в первую попавшуюся комнату и бросаю на пол свою сумку.

– Нет, я здесь жить не буду! – окидываю взглядом светлую, с большим окном комнату.

Игнорируя квадратную, как для троих, кровать, сажусь в кресло и набираю Пашу.

Как и всю последнюю неделю, он отвечает лишь после пятого гудка.

– Влада? – удивляется. – Прости, был у отца на совещании. Что случилось?

– Паша, можешь приехать? Прямо сейчас.

– Что? – в голосе растерянность. – То есть как, сейчас?

– Я уже не дома. Мы переехали. К... к одному человеку. Это долго объяснять, но мне срочно нужно уехать. Не хочу здесь ночевать.

В динамике повисает пауза.

– Влада, я... прости, не получится. Завтра с утра могу, а сегодня никак. Куча дел, понимаешь?

Сжимаю телефон так, что белеют костяшки.

– Хорошо. Завтра так завтра. Только пораньше, – задираю голову к потолку.

– Ты вообще в порядке? – вырывая меня из мыслей, осторожно спрашивает Паша.

– Да, – вру. – В порядке.

– Тогда до завтра.

Паша даже не пытается выяснить, насколько это «в порядке» близко к действительности. Он получил нужный ответ и готов работать дальше.

– Жду, – швыряю трубку на кровать. Снова оглядываюсь.
– Над этим траходромом только зеркала не хватает! – выпаливаю в сердцах, словно это кровать виновата во всех бедах.
И с опозданием понимаю, что у меня гость.

Глава 4

Влада

– Принцессы без зеркал не спят?

От хрипловатого мужского голоса по телу расползаются мурашки.

Михаил без стука входит в комнату. Сейчас на нем нет верхней одежды – лишь черный гольф, обтягивающий мощный торс, и брюки. Однако по ощущениям он стал словно еще больше.

Настоящая тестостероновая глыба. Машина! Для убийств или для...

Об этом втором варианте я запрещаю себе даже думать. Он – мамина новая любовь, пусть мама с ним и разбирается!

– Конечно, без зеркал не спят. А вы как думали?! – Я встаю с кресла.

– Мне распорядиться, чтобы установили? – гад не скрывает издевки.

– Установите в своей, – подмигиваю. – Уверена, мама оценит.

– Благодарю за рекомендацию. Как только перестану справляться по старинке, обязательно об этом подумаю.

– Так вы сюда без стука за советом пришли?

Мы всего минуту общаемся, а меня уже начинает трясти. Шикарное начало знакомства! И это тот самый защитник,

которого я должна ценить и уважать.

– Почти. С советом. Тебе, – чеканит он с паузами, а затем берет меня за подбородок и поднимает голову вверх.

– Я не просила.

Наверное, нужно вырваться или оттолкнуть его. Хотя бы попытаться! Но мой инстинкт самосохранения, молчавший первую половину дня, вдруг включается на полную катушку и заставляет замереть в позе любопытного суриката.

– Я не звал тебя в свой дом. Не планировал, что мне придется стеречь кого-то еще, кроме Ларисы. Ты не моя проблема. Но раз уж оказалась здесь, будь добра соблюдать простые правила.

Улыбка на губах этого сторожа превращается в оскал.

– Можно, подробнее. – Разглядываю радужку голубых глаз.

– Первое, – загибает большой палец, – никаких скандалов и истерик. Полная тишина!

– Буду нема, как рыбка.

– Второе, – пальцы сильнее сжимают мой подбородок. Не позволяют даже дернуться. – Никаких гостей! Пригласишь сюда своего задохлика, станешь проблемой задохлика.

– Не такой уж Паша и тощий.

Кое-кто слишком хорошо осведомлен. Кажется, меня ждет разговор с мамой о ее длинном языке.

– Третье, – Михаил загибает средний палец, – любые поездки в город – после согласования с охраной. Пешие похо-

ды – только по территории участка!

Я все же не ошиблась, посчитав это место тюрьмой. Это она самая! Лакшери режима без свиданий и переписки.

– Обещаю не проверять колючую проволоку на прочность.

– Молодец. Тогда четвертое, – безымянный палец опускается. – Ты не лезешь в мои дела. Не задаешь вопросов. Видишь закрытую дверь – проходишь мимо.

– Это ваш дом. Куда я полезу?

– Именно. Мой дом. – Его взгляд становится жестче. – И я не люблю, когда суют нос туда, куда не просят.

Пауза.

На широкой ладони загнуты все пальцы, кроме мизинца.

Я с нехорошим предчувствием гляжу на него. Затем в лицо своего тюремщика.

– И что же еще? – не выдерживаю.

Уголок его рта дергается.

– Пятое, – Михаил наклоняется ближе, и голос становится ниже. – Если услышишь звуки из спальни твоей матери... затыкаешь уши. Закрываешь дверь. Включаешь музыку погромче. И ни слова. Ни взгляда. Ни намека.

Меня обдает жаром.

– Вы... вы серьезно?!

Чертовы мурашки снова бегут по коже. Марафонцы хреновы!

– Абсолютно. – Мерзавец разжимает пальцы и выпрямляется. – Потому что, если ты снова посмотришь на меня так,

как смотрела сегодня в машине... мне будет сложно вспомнить, что ты дочь Ларисы.

Он серьезно? Или это такой способ запугать?

– Я не... не... – заикаюсь от шока.

– Не ври. – Михаил разворачивается к двери. – Ужин в семь. Не опаздывай.

Он выходит в коридор и бесшумно закрывает за собой дверь. Исчезает, оставляя меня в позе все того же суриката. Но только теперь не любопытного, а пришибленного, как после встречи со здоровенным железным бампером.

Начавшийся «сказочно» день в обед «радует» меня захватывающей беседой с хозяином дома. А после обеда окончательно прибывает маминым энтузиазмом.

В три дня она врывается в комнату, сияющая и возбужденная, как школьница на первом свидании. И с блаженным стоном падает на кровать.

– Влада, я в раю.

Я не отрываюсь от телефона. Мало того что мне нельзя никуда выходить, так еще и со связью творится что-то странное. Сигнал то есть, то пропадает, будто мы в глухой тайге, а не в пригороде Питера.

– Не помню, когда была такой счастливой, – продолжает мама.

– Рада за тебя.

– Миша... он сказочный! А его дом... Мм... Ты видела сад

камней? Это чудо! А тренажерный зал?! Настоящий! С беговыми дорожками и боксерской грушей! – Мама переворачивается на живот и подпирает подбородок руками. – Пойдем, разомнемся!

– Не хочу, – я в сотый раз жму на кнопку «отправить», но сообщение никуда не уходит.

– Заюш, не будь букой, – мама смотрит на меня с укором. – Знаю, тебе все это не нравится. Но пойми, я тоже хочу быть счастливой. У тебя есть Паша, а у меня теперь – Миша.

– Которого ты знаешь одну неделю.

– И что? – Мама гордо расправляет плечи. – Зато какую! Он невероятный, Влада. Сильный, умный, надежный...

Я закатываю глаза.

– Ладно, – выдыхаю. – Пойдем в твой тренажерный зал. Только не продолжай!

Обрадованная, мама резво вскакивает с кровати. Кокетливо поправляет волосы, словно собирается на дефиле. И шлет мне одну из своих отрепетированных глянцевых улыбок.

– Вот и умница! Сейчас переоденемся и...

– Нет-нет! Я пойду в этом, – перебиваю я, кивая на свои джинсы и свитер.

– Ну как хочешь. – Она даже не думает изображать разочарование. – Главное, что идешь!

Глава 5

Влада

Тренажерный зал оказывается в конце коридора. Он немного похож на тот, что был в нашем прежнем доме. У стены такой же ряд гантелей, две беговые дорожки, эллипс и парочка тренажеров.

Отличие лишь в окнах. Здесь они панорамные, с видом на лес. А у нас вместо окон был огромный экран телевизора.

Мама объясняла это интимностью, папа – безопасностью, а я... мне тогда было двенадцать. В зал я ходила, лишь чтобы поглазеть на маминого тренера – высокого поджарого парня, который носил мне сочные красные яблоки и называл принцессой.

– Я как домой вернулась, – мама будто читает мои мысли.

– Да. Напоминает... – глушу вырвавшуюся на волю тоску.

– Только у Миши все масштабнее. И рядом еще один зал.

Он для бокса, – занимая крайнюю беговую дорожку, важно добавляет мама.

Прислушавшись, я различаю за стеной глухие удары. Похоже, не мы одни решили потренироваться.

– Да, слышу.

Устраиваюсь на второй дорожке. Закатав рукава свитера, включаю медленный темп. Выкладываться нет никакого желания, но подвигаться нужно. Ради извилин и здоровой пси-

хики!

– Кстати, зря ты от Миши шарахаешься, – внезапно говорит мама, сбавляя темп. – Он хороший мужик. Надежный.

– Ты так решила, потому что он после первого секса предложил тебе защиту?

– После второго! – с обидой поправляет мама. – Этого достаточно. У меня чутье на мужчин.

В ответ хочется рассмеяться. Знаменитое мамино чутье! Именно из-за него она вляпалась в неприятности, из-за него мы обе попали в дом тюремщика с замашками маньяка.

– Так он у нас надежный, хороший. И молодой, – продолжаю я. – Моложе тебя на сколько?

– Всего на шесть лет. Это ерунда.

– То есть ему тридцать шесть?

Сама не знаю, чему я удивляюсь. Михаил примерно так и выглядит. Не самый молодой из маминых ухажеров, хотя, конечно, самый необычный.

– Мужчина в самом расцвете сил. Не женат, без детей и состоятельный. – Мама мечтательно вздыхает. – А его пальцы! Ты бы знала, как он умеет...

– Стоп! Я не хочу это слышать!

Для пущей убедительности закрываю уши руками.

– Ладно-ладно! – Звонкий хохот разливается по залу. – Ты поймешь меня. Когда-нибудь позже.

– Да, когда попрошу денег у того, с кем нельзя даже пересекаться. И начну бояться за свою безопасность.

Наверное, не стоит давить на больную мозоль, но вся эта ситуация не возникла просто так. Отец умер от инфаркта в пятьдесят пять, оставив нам приличное состояние и акции основанной им еще в молодости компании.

Любой нормальной семье хватило бы этих денег на несколько жизней. Однако моя мама за рекордный срок умудрилась растратить почти все.

Через два года после похорон отца мы продали дом и переехали в квартиру на Невском проспекте. Затем из нее в трешку – на окраину. И закончилось все долгом у Шумского – старого друга отца, который спал и видел, как вся компания папы перейдет к нему в руки.

– Ты слишком циничная для своего возраста, – отвернувшись к окну, роняет мама. – Вся в отца.

Можно поспорить, но я заранее знаю, что это бесполезно.

– Прости. Какая есть.

Не отвечая, мама прибавляет скорость. Бежит, глядя в окно. А я продолжаю идти в своем медленном темпе и старательно пытаюсь выбросить из головы то, что произошло сегодня днем.

Мужские руки, сжимающие мой подбородок. Хриплый голос. И слова.

«Если ты снова посмотришь на меня так...»

Черт.

Ругая себя, я прибавляю скорость. Сосредотачиваюсь на работе: на статьях, которые поручил написать главный ре-

дактор моей газеты, на свежем обзоре приютов для собак, который нужно было сдать еще вчера.

Снова срываюсь на всякие глупости... и отчаявшись, перехожу на счет.

Вначале хаотично, от ста и дальше. А затем, сама того не замечая, начинаю считать удары за стеной.

Сто двадцать. Тихо.

Сто двадцать один. Мощно.

Сто двадцать два. Жестко.

Сто двадцать три. Быстро.

... очень быстро.

... с яростью.

От такой сумасшедшей скорости я сбиваюсь со счета. Успеваю произносить мысленно только «шесть», «семь», «восемь»...

А затем внезапно наступает тишина.

Уменьшив темп, я оглядываюсь на дверь соседнего зала. В отличие от меня мама ничего не слышит. Бежит, улыбается, что-то мурлычет себе под нос.

А я кошусь туда и чувствую, как сердце меняет привычный ритм... частит.

«Не надо, – молю, не знаю кого. – Пусть он остается там. Пусть не выходит».

Последние слова, кажется, произношу вслух.

Но высшим силам чихать на мои молитвы. Дверь распадается. И второй раз за день на пороге оказывается хозяин

этой крепости.

В спортивных брюках, сидящих низко на бедрах. С блестящим от пота торсом. С майкой в руке и бинтами на костяшках.

Глава 6

Влада

Хватает одного взгляда... на бинты и прозрачные капли, стекающие по рельефному прессу, на косые мышцы, исчезающие под резинкой тонких брюк, и широкие плечи. Я застываю.

В памяти вспышкой проносятся слова:

«Если ты снова посмотришь на меня так, как смотрела сегодня в машине... мне будет сложно вспомнить, что ты дочь Ларисы».

Как в наказание, нога соскальзывает с дорожки. И лишь каким-то чудом я успеваю схватиться за поручень.

– Проклятие... – шиплю, ударившись коленом о металлическую стойку.

В панике луплю по кнопке «Стоп». И только когда проклятая штуковина перестает тянуть меня вперед, позволяю себе повернуться.

К сожалению, мне не показалось.

Это он. Стоит на том же месте. Молчит. В глазах плещется что-то опасное. Голодное.

– Мишенька! – наконец замечает своего любовника мама.

Она без суеты уверенно останавливает ленту тренажера и красиво спрыгивает.

– Ты тренировался? – подходит вплотную.

Ведет подушечками пальцев по совершенным кубикам пресса.

– Вроде того, – Михаил накидывает майку на плечи и медленно, нехотя переводит взгляд на маму.

– Боже, какие у тебя мускулы, – выдает она с томным вздохом.

Чтобы не застонать от стыда, я стискиваю зубы и пытаюсь превратиться в предмет интерьера. Скучный памятник, готовый укатиться отсюда при первой же возможности.

– Миша... – мамины глаза вспыхивают. – А научишь меня боксировать? Всегда мечтала попробовать!

Михаил молчит. Грудная клетка все еще ходит ходуном. А желваки на скулах без слов говорят о том, что он по этому поводу думает.

– Ну пожалуйста! Покажешь пару приемов? – мама, покачивая бедрами, идет к боксерской груше.

– Маникюр испортишь, – наконец бросает хозяин и проходит мимо нее к стойке с гантелями.

Мама на секунду теряется, но быстро находит выход.

– Я буду осторожна. Хотя бы глянь, правильно ли я стою! – она принимает какую-то нелепую позу и делает первый удар.

Бросив майку на скамью, Михаил берет бутылку с водой. Делает большой глоток. И, на миг прикрыв глаза, вымучено поворачивается в мамину сторону.

– Локти ближе к телу, – цедит на выдохе. – Подбородок опусти.

Мама послушно исполняет.

– Так лучше? – делает замах и чуть не падает.

– Удар от бедра. Всем телом.

Воодушевленная командами, она бьет. С силой, метко.

Так что груша покачивается, а я начинаю волноваться о сбитых костяшках, которые мне же потом придется обрабатывать лечебным кремом.

– Еще, – коротко бросает Михаил и разворачивается к стойке.

Мама послушно врзается кулаком в несчастную грушу.

Лупит снова.

И еще.

Смеется, будто это лучший аттракцион в ее жизни. А Михаил берет гантели с нижней полки и, выпрямляясь, останавливает на мне свой взгляд. Темный. Липкий, как смола.

Сбитая с толку, я замираю, забывая про дорожку и ушибленное колено. Усилием воли заставляю себя вдохнуть.

Но в тот же момент он... этот сукин сын начинает медленно поднимать железо вверх. Не резко, как делал наш первый тренер, а плавно. Приковывая мое внимание к его вздувшимся бицепсам, вспухшим венам на предплечьях и перекачивающимся грудным мышцам.

– Гадство, – шепчу я под нос.

Резко отворачиваюсь к окну и делаю вид, что меня интересует только заснеженный лес. Вот те белые верхушки елок, облезлая коряга в углу участка и скучный фонарь у забора.

Любуюсь, словно в жизни не видела такой красоты. Но боковым зрением все равно замечаю – мерзавец на скамейке снова поднимает свои проклятые гантели, свежие капли пота текут по рельефному прессу, а тонкая ткань брюк очерчивает содержимое паха.

«Сволочь!» – проклиная его, чувствуя, как между ног предательски дергает.

«Кобель!» – до побелевших костяшек сжимаю поручень беговой дорожки.

Из всех сил пытаюсь дышать ровнее, но получается хреново. Телу пофиг на все мои принципы и мысли. Ему жарко, несмотря на бьющий в лицо прохладный воздух из кондиционера. Его ломает, будто после лошадиной дозы афродизиака.

– Влада, хочешь попробовать? – зовет раскрасневшаяся и довольная собой мама.

– Нет.

– Да брось! Это же так весело!

– Я сказала – нет! – рывкаю злее, чем нужно.

Мама вздрагивает, как от удара. Демонстративно хмыкает. Совсем отворачивается от Михаила, который больше не стесняясь, поедает меня насмешливым взглядом.

– Все, я размялась. – Не в силах больше бороться с этим наваждением, я выключаю ленту. – Мне нужно... – пытаюсь придумать хоть какое-то внятное оправдание. – В душ.

Не смотрю больше на Михаила!

Не кошусь!

И уж точно НЕ замечаю, как дернулась вена на шее, и потемнели желваки.

— Влада, что случилось? Мы только пришли,— мама недоуменно хлопает ресницами.

Но я уже спрыгиваю с тренажера и хватаю со скамьи свое полотенце.

— У меня дела, — не оглядываясь, вылетаю в коридор.

И быстрым шагом, стараясь не привлекать внимание охраны, спешу в комнату.

Мчу до спасительной двери, как на пожаре. А стоит оказаться внутри, захлопываю дверь и для надежности поворачиваю защелку.

«Что это, мать твою, было?» — пялюсь на отражение незнакомой девушки в темном стекле окна. На ее большие, сияющие шальным блеском глаза. На покрасневшие пухлые губы. На короткую блондинистую шевелюру — растрепанную, как после бурного секса. На часто вздымающуюся грудь и просторный коричневый свитер.

Черт. Черт. Черт.

Трясущимися руками сдираю с себя одежду, которая почему-то вдруг кажется тесной. Со вздохом облегчения расстегиваю бюстгальтер. Переступая с ноги на ногу, стягиваю трусики.

И вздрагиваю.

Кожа горит, словно меня действительно отшлепали. За

ребрами – бесконечная барабанная дробь. А между ног так пульсирует, что хочется застонать от этого противного, неправильного ощущения.

– Влада, ты больная. – Обхватываю грудь с болезненно ноющими сосками. – Это болезнь. Это извращение!

Закрыв глаза, вспоминаю взгляд Михаила. Тяжелый, жадный, будто он трахал меня глазами прямо на этой гребаной беговой дорожке.

«Паша приедет уже завтра! Осталось немного! Все обязательно закончится», – с этой мыслью иду в ванную.

Включаю душ. И, не задумываясь, выкручиваю ручку на «холодную».

Глава 7

Влада

Ночь «балует» меня бессонницей.

Уставившись в потолок, лежу в темноте и пытаюсь не думать. Гоню прочь мысли о том, как Михаил смотрел на меня в тренажерке. О его странной игре. О том, что сейчас происходит в хозяйской спальне.

Я дятлом твержу себе все эти «не», а стоит закрыть глаза – перед ними всплывают картинки. Широкая мужская грудь. Блестящие капли на бархатной коже. Натянутая ткань спортивных брюк. И литые мышцы...

Перевернувшись на бок, зарываюсь лицом в подушку.

«Это нормально. Здоровая реакция на сильный стресс. Завтра я уеду, и все это закончится», – не знаю, в какой раз повторяю эту мантру. И засыпаю только под утро.

Как в яму, проваливаюсь в тяжелый, беспокойный сон. Вижу в нем папу – он, как всегда, чем-то занят. Вижу маму – она танцует в свадебном платье, громко смеется и подмигивает мне через плечо. Вижу стаю собак. Обступив меня, они скалят пасти и готовятся напасть.

Сквозь густой туман замечаю кого-то еще, но не могу разобрать лиц. И будто мало мне этой «радости» просыпаюсь за час до будильника от жажды.

Пить хочется так сильно, что заставляю себя встать с кро-

вати и проскользнуть в коридор.

Где-то здесь за поворотом должна быть кухня. Хотя наш радушный хозяин и не стал вчера тратить время на экскурсию, за ужином он таки соизволил сказать, что в кухне всегда можно найти воду, фрукты и кофе.

«Мне буквально пару глотков», – облизываю пересохшие губы.

«Надеюсь, все еще спят», – молю я, крадучись мимо хозяйской спальни, и как ответ свыше слышу голос.

Первая мысль – мама. Весь прошлый месяц она изводила меня своей утренней йогой. Не удивлюсь, если и сейчас продолжает оттачивать навыки, только уже перед другим зрителем.

Однако стоит прислушаться, понимаю, что не угадала.

Голос мужской. Низкий и спокойный.

– Проклятие, – шепчу, притормаживая в метре от двери в столовую.

И от первого же подслушанного предложения вырастаю ногами в пол.

– ...тебе не о чем волноваться, успокойся, пожалуйста, – говорит Михаил тихо и как-то странно, по-доброму. – Все под контролем.

Пауза.

– Нет, я намерен идти до конца. Шумский поплатится за то, что сделал. Обещаю.

Еще одна пауза, более длинная.

– Знаю. Я тоже. – Его голос еще больше смягчается. Тон становится обволакивающим, бархатным. Любовным! – Постарайся не думать обо мне. Позвоню позже, хорошо?

Все еще не веря ушам, я пытаюсь понять, с кем он может говорить. Раз «позвоню» – значит, Михаил общается по телефону. Тогда это не мама и уж точно не я.

Фраза о том, что он собирается идти до конца – это не угроза отшлепать членом по губам! Здесь что-то личное и очень серьезное.

А фамилия – Шумский... Это тревожит меня сильнее всего.

Именно из-за Андрея Михайловича Шумского мы оказались в этом доме. Шумский был лучшим другом отца. Вместе с еще одним другом – Романом Петровичем Сотниковым – они основали «Базилевс» – компанию, которая занималась программным обеспечением.

Много лет «Базилевс» был убыточным. Шумский и Сотников уговаривали отца сбавить его американцам или подать на банкротство. Но у папы был врожденный нюх на деньги.

Чтобы успокоить друзей, он выкупил у них часть акций, стал главным акционером, а незадолго до смерти запатентовал несколько технологий.

К сожалению, что за они, папа никому не рассказал. Вместо этого за месяц до смерти он принял особые меры.

Все работники отдела разработки подписали соглашения

о неразглашении информации, а затем были уволены. Компьютеры и диски с информацией оказались на опечатанном складе. А кое-какие бумаги перекочевали в сейф папиного юриста.

Для нас с мамой все эти перемещения ничего не значили. «Базилевс» не приносил никакого дохода, поэтому никто не вникал в его дела.

Когда папа ушел, я с головой погрузилась в учебу. Будто получила в дар вторую молодость, мама принялась устраивать личную жизнь. И только после того, как на горизонте снова появился Шумский, мы вспомнили о «Базилевсе».

Андрей Михайлович, не задавая никаких вопросов, одолжил маме крупную сумму. А в оплату – «по доброте душевной» потребовал акции компании.

Будь мама так глупа, как она пытается казаться, акции мгновенно перешли бы в руки Шумского. Однако моя дорогая родительница вдруг включила на максимум свою женскую интуицию и посмела сказать нет.

Результат не заставил себя ждать. Мама начала получать угрозы. Ее машину сожгли прямо посреди двора. А однажды вечером под нашей дверью появилась коробка. В ней лежала отрезанная голова какого-то манекена и записка со словами «Нужно исполнять свои обещания».

Не знаю, как бы поступила другая женщина, но мама не стала заявлять в полицию или прятаться в кусты. Вместо этого она в рекордный срок подцепила себе нового покровите-

ля – владельца охранного бюро. И, как говорится, теперь мы здесь.

Спасенные.

Защищенные.

В глуши, где почти не работает сотовая связь.

В доме человека, который, оказывается, тоже знает Шумского. И даже готов заставить его заплатить...

– За что? – забыв о том, куда шла, произношу я вслух. – Вы знакомы? – добавляю шепотом.

И запоздало замечаю, как опускается дверная ручка.

«Нет!» – сердце падает в пятки.

Все еще надеясь спастись, я испуганно пялюсь вправо – в сторону кухни. Как назло, до поворота метров пять. Не добегу.

Пытаясь быстро придумать оправдание, наблюдаю, как прямо на меня медленно распахивается дверь.

В ужасе краснею и белею.

Вспоминаю все правила, которые озвучил мне Михаил, и его взгляд в тренажерном зале.

Набираю полную грудь воздуха, чтобы заорать «На помощь!».

И вдруг застываю.

Глава 8

Влада

Пока я в ужасе жду своего наказания, внезапно распахиивается дверь напротив. Из комнаты в шелковом пеньюаре и атласных тапочках выплывает мама. И, не замечая меня, идет к хозяину дома.

– Мишенька, ты уже встал? – поднимает руки, вероятно, чтобы обнять его за плечи.

С моего места невозможно рассмотреть лица «Мишеньки», но я отчетливо слышу тихий вздох.

– Пришлось. Срочные дела.

– А я как раз собиралась тебя разбудить... по-особенному.

– Лариса, не сейчас.

– Почему? – звучит с наигранной обидой. – Я соскучилась. Хочу тебя... прямо здесь, в коридоре.

Ее рука скользит вниз, скорее всего – к поясу штанов.

– У меня через пару минут важный звонок.

– Обещаю, что не стану мешать. – Слышится металлический «вжик».

– Лара, я же сказал.

– Я буду вести себя очень тихо.

Мама не говорит ничего особенного. Все это я уже слышала раньше – при других обстоятельствах, в других домах и с другими мужчинами.

Но в этот раз почему-то мутит.

Пока не стала свидетельницей жаркой сцены, я затыкаю пальцами уши и крадусь на кухню.

Осторожно прикрываю дверь. И сразу же, будто это может помочь выбросить из головы эротические картинки, набираю Пашу.

– Але? – доносится сонный голос.

– Привет, – шепчу. – Разбудила?

– А? Который час?

– Ума не приложу, но солнце уже встало.

Из динамика раздается шорох. Кажется, Паша переворачивается в кровати.

– Влада, слушай... у меня проблема. Машина вчера сломалась. Я ее пригнал в сервис, но они говорят, что до завтра не починят.

Закрыв глаза, сползаю по стене на пол.

– Паша, ты ведь обещал...

По-хорошему, нужно разозлиться. Мама бы точно разозлилась на ухажера, который не исполняет свои обещания. А у меня не получается.

Наверное, я заранее знала, что так случится. После года уговоров переехать к нему и начать жить вместе, мой жених передумал и включил заднюю передачу.

– С аккумулятором фигня какая-то. Бэха только недавно из салона, и такая засада.

– А одолжить тачку у отца или взять такси?

Будь у меня возможность, сама бы давно взяла и свалила отсюда. К сожалению, с местным интернетом и дорогами на это не стоит и надеяться. Если и вызову, то не каждый сюда поедет и доедет.

– Папа в командировке. А такси... Прости, детка, ты же в курсе, что я не доверяю всяким машинам. Не хочу рисковать своей девочкой.

– А я бы рискнула.

Опускаю голову на колени.

– Давай договоримся, если в СТО завтра до обеда не справятся, я найду у друзей машину и приеду за тобой.

– Паш... – это уже даже не смешно.

– Я правда не могу ничего сделать! – в его голосе появляется раздражение. – Думаешь, мне самому не хочется тебя увидеть?

Чтобы не послать его к черту, стискиваю зубы и молчу.

Говорят, девушки находят себе парней, которые поведением похожи на их отцов. Спорная теория, но Паша – ее живое подтверждение.

На словах он готов ради меня на все. А в реальности – согласен снять штаны перед мамой и при этом палец о палец не ударит, чтобы вытащить меня из этой глуши.

– Влада, ты же понимаешь, да? Ты ведь умная девочка.

– Понимаю.

– Вот и отлично. Тогда до завтра. Люблю тебя.

– Угу.

Положив трубку, я с минуту сверлю взглядом противоположную стену.

А затем делаю то, что следовало сделать уже давно. Захожу в список контактов, нажимаю на фото с лицом своего красавчика-парня и отправляю его в Черный список.

Делаю это легко. Без сожаления и без обиды. Словно между нами уже давно все закончилось. И не хватало лишь точ-ки.

«А теперь нужно свалить отсюда», — поднявшись, пью, на-конец, воду. Убеждаюсь, что в коридоре чисто, и бегу в свою временную спальню.

Чтобы не таскаться по сугробам с чемоданом, достаю из него все самое нужное. Заталкиваю в удобный кожаный рюк-зак смену белья, зарядку и теплый свитер.

Распихиваю по карманам куртки кошелек и документы. И, не тратя больше ни минуты, прощаюсь с комнатой.

Раз никто не хочет отвезти меня в город, придется отпра-виться туда самой. Дойти по лесной дороге до трассы. Пой-мать попутку или вызвать такси. А дальше по обстоятель-ствам — поначалу в отель или на диванчик в подсобке редак-ции. И после — в съемную квартиру.

На первый взгляд план выглядит отлично. Шумский точ-но не явится в редакцию, и сильно сомневаюсь, что он будет искать меня по временным квартирам.

С Михаилом тоже полный порядок. Он сам озвучил спи-

сок правил. Если я уйду – то и защищать себя буду самостоятельно.

Никаких обязательств и лишнего риска!

«Осталось только исчезнуть», – стараясь не шуметь, я открываю дверь и выглядываю в коридор.

Там, как я и надеялась, пусто.

Пользуясь случаем, бегу в гостиную. Спрятав за спиной куртку и рюкзак, пересекаю просторный холл и сразу же выхожу на крыльцо.

Морозный воздух пробирается под топ и обжигает холодом лицо. Под ногами хрустит свежий снег. Но я не останавливаюсь.

Убедившись, что охранник зашел за угол, подбегаю к воротам. Дергаю на себя обледеневшую металлическую ручку, а когда та не поддается – решаюсь на отчаянный поступок.

Перекидываю куртку и рюкзак через калитку. Подхожу к ближайшему участку, где забор соседствует с деревом, и начинаю карабкаться.

«Удовольствие» совсем не такое, как в детстве, когда мы с соседским мальчишкой лазили через забор в гости друг к другу. Нынче веселья – ноль, а адреналина – по плешку.

Ветки царапают кожу, ладони деревенеют от холода. Но я упрямо лезу дальше, пока не оказываюсь наверху забора.

«Влада, только не дрейфь!» – команду, спрыгивая в пушистый сугроб. И отряхнувшись, спешу за своими вещами.

Дорога до трассы оказывается намного сложнее, чем я надеялась.

Ветер дует в лицо, как бы я ни отворачивалась, а верхушки елей заслоняют солнце. Пару раз я поскальзываюсь на запыленном снегом льду. Несколько раз проваливаюсь по колено в яму. С десяток раз успеваю проклясть себя за то, что вообще умудрилась оказаться в этом месте.

Через полчаса борьбы со снегопадом и бездорожьем начинают гудеть ноги. Еще через пятнадцать минут – окончательно сбивается дыхание.

Не знаю, как я осиливаю последние метры до трассы. Однако стоит выйти на обочину, губы сами расплываются в улыбке.

Все еще не веря, что дошла, я трясущимися руками вынимаю телефон.

– Пожалуйста, только не разрядись сейчас! – умоляю его и открываю приложение такси.

Не чувствую пальцев, жму на кнопку заказа.

И вдруг замечаю несущуюся со спины квадратную тень знакомого джипа.

Глава 9

Михаил

Толкаю дверь джипа с такой злостью, что та чуть не слетает с петель. И сразу же иду к стоящей на обочине идиотке.

– Михаил?... – девка хлопает ресницами. Роняет челюсть.

Но мгновение становится безобидной блондинистой куклой. Молодой и даже красивой.

Однако уже через секунду кукла превращается в прежнего боевого хомяка, который готов кишки на асфальт положить, но не сдастся.

– Дед Мороз! Или, мать его, Санта Клаус! – развожу руками. – Кто там в детском саду сейчас в почете? – рявкаю ей прямо в лицо.

Ни фига не по-джентльменски, только мне сейчас до задницы все эти манеры!

Пусть знает, в каком я «восторге» от того, что пришлось гнать через весь лес! Может, хоть от страха врубится, во что вляпалась.

– В почете психически здоровые мужчины, – сузив глаза, цедит Барби. – Вы на такого ни капли не похожи.

Дергает нос вверх и оттопыривает свои пухлые губешки.

– Ты вообще понимаешь, что творишь?! – злость, которую я сдерживал всю дорогу, рвется наружу, как из лопнувшей трубы.

У нас прорыв, блядь!

Хрен залатаешь!

– Творю? Сваливаю из вашего чудесного, гостеприимного дома, – скалится эта безбашенная. – Познакомились, и ладушки.

Будто я тут стою для декора – памятник лысеющему вождю, она разворачивается на сто восемьдесят и самым серьезным видом тычет пальцем в приложение такси.

– Seriously?

Я, конечно, видел сумасшедших. В прошлой ментовской жизни и по притонам помотался, и по психушкам. Но такую укушенную в голову встречаю впервые. Зоопарк, мля! В пуховике и вязаной шапке.

– Вы сами сказали, уйду – сама за себя отвечаю. Все! Ушла, – кланяется. – Теперь сама за себя в ответе.

– И каким же, интересно, местом ты меня слушала? Я, вообще-то, про дебила твоего говорил! О самоволке разговора не было! – подхожу к ней ближе и отбираю рюкзак.

– Не смейте! Это мое, – упирается Влада.

– Ты хоть понимаешь, что могло с тобой случиться?! Одна, на трассе, в мороз, без нормальной связи!

– Ничего бы не случилось! – огрызается она, впиваясь когтями в мою ладонь. – Я не маленькая!

– Да?! – устав от возни, дергаю рюкзак на себя и, не глядя, швыряю его на заднее сиденье машины. – Любой мог подобрать! Любой мог остановиться и...

– За мной сейчас такси приедет. А вы... Вы мне не отец, не брат и пока не отчим! – рывкает эта бессмертная, глядя в глаза.

– Ну, все!

Терпению крышка! Адреналин бьет в виски, и никакие тормоза больше не справляются. Я подхватываю эту идиотку под зад, перекидываю через плечо и несу к машине.

– Отпусти! Немедленно! Извращенец! – буйная извивается, пинается. Неожиданно сильно для ее тощей тушки.

– Обязательно! Как только закроешь рот!

Подхожу к джипу. Наклоняюсь, пытаюсь усадить ее на заднее сиденье, но фиг! Чокнутая цепляется руками в дверной проем и мешает.

– Ласты убрала! – рычу я, пытаюсь оторвать ее ледяные ладони.

И в этот момент она резко бьет меня локтем прямо в челюсть. От неожиданности я выпрямляюсь и с размаху врезаюсь макушкой в потолок джипа.

Боль вспыхивает острой, ослепляющей вспышкой.

Перед глазами темнеет. Между ушей... там ничего не остается! Никаких мыслей, никакого контроля. Лишь горячая, как кипяток, ярость.

– Трындец тебе!

Я сам приземляюсь задом на сиденье. Укладываю девку поперек колен и, радуясь, что у этой безумной джинсы на резинке, рывком стягиваю их до самых колен вместе с трусами.

– Псих! Ты что делаешь?! – рев становится громче.

Пытаясь вырваться, ненормальная крутит своей розовой задницей. Лупит руками по сиденью. Только мне уже похер!

Черепушка все еще трещит от удара. Ладони зудят от потребности спустить пар. И даже член оживает. Упирается налитой башкой в молнию брюк, словно тоже хочет поучаствовать в расправе.

– Ты... ты... не можешь, – повернув голову, ведьма смотрит на меня своими зелеными глазами. Все еще не верит... – А-а! – взрывается от резкого удара по голой жопе.

– Ты обещала, – говорю я, опуская руку второй раз. – Сидеть тихо.

Шлепаю снова.

– Ты обещала, – вкладываю всю душу в новый шлепок. – Не сбегать.

Припечатываю пятерню к булкам еще раз.

– Ты обещала соблюдать правила.

Пригладив горящую кожу, продолжаю воспитательную процедуру. Прохожусь по этой заднице с оттяжкой. С чувством! Звонко и качественно!

Учу дуру уму-разуму, слушаю цветистый матерный вой и чую, как потихоньку отпускает.

Аж на душе становится легче.

Никто не украл эту дуреху. Не увез, не изнасиловал и не придушил в назидание для мамашки.

Живая, здоровая, если не считать пылающих булок. Впол-

не себе целая. И пиздец какая голосистая.

– Надеюсь, поумнеешь, – шлепаю последний раз. Уже совсем слабо. Скорее глажу, чем бью. И останавливаюсь.

– Неандерталец чокнутый, – со всхлипом произносит девушка. – Тебе лечиться надо, – сползает с моих колен на соседнее сиденье и начинает натягивать джинсы.

– У нас был уговор. Я тебя с матерью стерегу, вы меня слушаетесь.

Смотрю на ее мокрое от слез злое лицо. На алые дрожащие губы. На стоящие дыбом светлые, кучерявые пряди волос. На пальцы... Красивые! Без блядских острых ногтей, как у мамашки. Тонкие и длинные.

Будто в бреду, представляю, как эти пальцы скользят по моему младшему. Обхватывают в кулак ствол. И движутся до самого паха...

– Все, – провожу ладонью по лицу, прогоняя дурацкие картинки. – Теперь поехали.

Пока не наворотил дел, я убираюсь с сиденья и иду за руль.

Остаток пути проходит в тишине.

Влада не скулит и не всхлипывает. Отвернув лицо к окну, она делает вид, что изучает местные пейзажи. Словно не насмотрелась, пока чесала по лесу пешком. А я до побелевших костяшек сжимаю руль и пытаюсь договориться со стояком.

Член, будто в первый раз почуял рядом женщину, стоит

колом от самой трассы. И что-то подсказывает – никакая Лариса с ее опытными губами и прочими влажными прелестями здесь не поможет.

О ней даже думать не хочется. Со старшей Покровской в принципе все через одно место.

Поначалу было ничего – я совмещал приятное с полезным: трахал ее, получал информацию, держал их обеих под контролем. А теперь достали эти бабы. Мать со своими играми и фальшивой влюбленностью – думает, что я идиот и не понимаю, как ей на самом деле страшно. Дочь с болтливym языком и горящей задницей. Придурок Павлик, который разучился понимать русский и включать голову.

Скорей бы Шумский начал действовать, чтобы я мог закончить с этим дерьмом и слить их обеих к чертям. Подальше от себя. Подальше от своего дома.

Стоит подумать о давнем враге, звонит Максим.

Сбавив скорость, беру трубку.

– Слушаю.

– Шеф, мы прочесали всю территорию вокруг дома. Беглянки нет. Проверили лес, дорогу к соседям, даже к озеру спустились. Голяк.

– Отбой. Влада у меня, – бросаю я коротко. – Еду обратно.

– Фух, проблем не было?

Максим не уточняет, какие могли быть проблемы. Но это и так понятно. В куличики у нас играет только одна зеленоглазая коза с полыхающим задом. Все остальные отлично по-

нимают, какие нынче ставки, и чем может обернуться любой косяк.

– Обошлось, – бросаю коротко.

– Отлично, – сдувается Макс.

– Отлично будет, когда ты разберешься, как она вообще смылась! – чувствую, как снова начинаю заводиться. – Одна девка обвела вокруг пальца пятерых мужиков! Нормально?

– Шеф, никто не думал, что она полезет через забор. Там два метра!

– А глаза вам на что? – обрываю я его. – Она, мало того, что перелезла через этот гребаный забор, так еще прошла четыре километра по лесу. Добралась до самой трассы!

– Шеф, я...

– Приеду, поговорим. – На первом же ровном участке топлю в пол педаль газа. – Кажется, еще не все поняли, какое веселье скоро нас ждет.

Глава 10

Влада

Мама встречает нас во дворе.

Ждет у крыльца в белоснежной шубке, которая стоит как годовая зарплата обычного работника. Смотрит на подъезжающий джип с таким видом, будто мы опоздали на важную встречу.

– Кажется, это по твою душу, – хмыкает Михаил.

Мой зад все еще горит, потому не спорю. Делая дыхательную гимнастику, готовлюсь к тому, что сейчас начнется: истерика, слезы и обвинения в том, что я чуть не довела до инфаркта единственного родного человека.

В чем мама хороша, так это в сценах! Еще при папе она отшлифовала это умение до профессионального уровня. А за десять лет свободы превратила в искусство.

– Привет, – роняю я, выбравшись из машины.

Поджимаю голову к плечам, ожидая шоу. Однако мама окидывает меня недовольным взглядом и шумно вздыхает:

– Нашлась. Слава богу.

На этом все!

Ни слова больше. Ни «где ты была», ни «как ты могла», ни даже дежурного «я так волновалась».

Вместо показательного разноса она обходит машину и мгновенно переключается на своего любовника:

– Миша, пока тебя не было, я связалась с юридической компанией мужа. С «Бояринов и партнеры». Помнишь, я говорила о них?

Мама делает паузу, вероятно ожидая реакции, но Михаил молчит.

– Я объяснила ситуацию. И один из партнеров обещал приехать. Сегодня. Через пару часов будет здесь с документами.

Михаил сжимает губы. Потом медленно кивает:

– Хорошо.

– Я подумала, что это важно, – мама теревит ворот шубки. – Раз Шумский устроил за нами охоту, нужно хотя бы выяснить, ради чего.

– Я сказал – хорошо, – обрывает Михаил. – Только будь готова к тому, что не все знания полезны.

Не щадя джипа, он с силой захлопывает дверцу и идет в дом.

– Что ты имеешь в виду? – бросается следом мама.

– Сама подумай!

Этот нахал даже не оборачивается.

– Мишенька! – звучит с трагическим всхлипом. И я не выдерживаю.

– Папа ни слова не сказал нам о патентах, – говорю, хватая маму за руку. – Он сделал все, чтобы оградить меня и тебя от этих знаний.

Она моргает.

– Возможно, это не просто так, – продолжаю я, мысленно костеря Михаила. Похоже, этот садист гораздо умнее, чем пытается казаться.

– Думаешь, в этих патентах есть что-то особенное?

– Думаю, нам лучше бы не знать, что на самом деле запатентовал папа.

Мама бросает на меня еще один быстрый взгляд. Словно загрузила в свою аналитическую программу все данные, она несколько секунд стоит на месте. Напряженно трет виски.

А затем бросается за Михаилом.

– Господи, я же не предупредила на кухне! Нужно накрыть стол, приготовить что-то... И кофе! – спешит в дом, будто угощение для неизвестного юриста гораздо важнее патента и нашей безопасности.

Дверь за ней захлопывается. А я остаюсь стоять во дворе. Одна. С сотней вопросов в голове. Со все еще горящим задом и растоптанной гордостью.

– Да пошли вы все! – выдыхаю я, снова чувствуя холод. И иду к дому.

Поднявшись по ступенькам, вхожу в холл. Краем уха слышу голоса из кухни – мама что-то взволнованно говорит, Михаил коротко отвечает.

Настоящая семейная идиллия. Сериал «Новый отчим». Сезон... уже не помню, какой по счету.

Не дожидаясь, когда как мама начнет выпрашивать у него хоть каплю внимания, я прохожу по коридору в правое кры-

ло. Захожу в свою комнату. И поворачиваю защелку.

«Вот. Теперь никто не ворвется без стука», – вспоминаю, как Михаил вломился сюда вчера. И с облегчением стягиваю с себя отсыревшую одежду.

Куртку вешаю в шкаф. Джинсы и свитер кладу в пакет для стирки. Трусы, словно это они виноваты в моем падении, швыряю в мусор. И с чувством выполненного долга заползаю под теплое одеяло.

Мечтая уснуть и проснуться эдак через неделю, желатель-но сразу в Питере, закрываю глаза. И спустя всего несколько секунд не выдерживаю.

– Сволочь, – цежу я сквозь зубы, переворачиваясь со спи-ны на живот. – Чтоб у тебя руки отсохли! – шиплю змеей. – И ноги! И... все вообще!

Вспоминаю, как это чудовище несло меня на своем широ-ком плече в машину, с какой яростью оголяло зад, с какой нежностью гладило по ягодицам между ударами...

И в тот же момент слышу стук.

– У меня тихий час! – рычу в сторону.

Будто за дверью кто-то глухой, стук повторяется.

– Я сплю! – кричу громче.

Но через минуту замок предательски щелкает.

– Это уже ни в какие ворота не лезет!

Прижав к груди одеяло, я резко поднимаюсь на локтях.

На пороге стоит Михаил.

– Защелка, – выдавливаю. – Вы не видели?

Войдя в комнату, он закрывает за собой дверь и поворачивает гребаную защелку.

– Видел, – подходит к моей кровати.

– Пришли проверить, не сбежала ли я через окно? Или хотите наказать за что-то еще?

От неожиданности я вся сжимаюсь в клубок. Инстинктивно подтягиваю колени к груди. Кажется, даже попа перестает гореть.

– Расслабься, Влада, – его взгляд скользит по мне медленно, слишком внимательно. – Я пришел не за наказанием. Пока.

Глава 11

Влада

Словно это его собственная спальня, Михаил идет вглубь комнаты. Притормаживает у корзины для мусора, где гордо лежат мои трусы.

Хмурясь, разглядывает несчастные кружева.

– Так чем... – я откашливаюсь, – обязана?

– Хотел узнать, нужны ли тебе дополнительные разъяснения? – наконец спрашивает он, поворачиваясь ко мне. – По поводу правил.

Сжав кулаки под одеялом, я заставляю себя улыбнуться.

– Нет. Все предельно ясно. Буду молчать и не отвечивать.

– Уверена? – делает шаг ближе. Еще один. Останавливается у края кровати. – Потому что, если что, мои руки всегда в твоём распоряжении.

Намек настолько прозрачный, что меня обдаёт жаром.

– У нас с вами разные эротические пристрастия, Михаил Сергеевич. – Внутри все сбоит от нахождения рядом с этим садистом, но голос звучит ровно и спокойно. – Так что можете играть в свои ролевые игры с кем-нибудь другим.

– М-да... с инстинктом самосохранения беда, – цокает языком.

– Я как-нибудь справлюсь. На этом все?

Мы смотрим друг на друга. Долго. Тяжело. А потом его

взгляд смягчается. За одну секунду этот монстр превращается в кого-то, очень похожего на человека.

– Теперь к делу. Пока ты шлялась по лесу, Лариса позволила твоему парню, – начинает он уже совсем другим тоном.

– Паше?

Я даже не догадывалась, что у нее есть номер.

– Прости, я не в курсе всех твоих парней. Но конкретно этого она называла Павлом, – скалится гад.

– И зачем? Что она ему сказала?

Под моим укрытием становится так жарко, словно я в печке.

– Твоя мать как-то убедила идиота забрать тебя. И... – он косится на наручные часы. – Через пару часов он будет здесь.

Я роняю челюсть от такого поворота.

Два дня я упрашивала Пашу приехать за мной. Отправила его в черный список. Попыталась сбежать из этой тюрьмы и даже получила по заднице.

А сейчас... мама одним звонком решила все мои проблемы.

Как?

– Я тоже не в восторге, – усмехается Михаил. – Не для этого я гонялся за тобой по лесу и чуть не спалил движок. Но, к счастью, твоей матери хватило ума вспомнить о безопасности и прежнем плане.

– Норвегия?.. – морщась, прикрываю один глаз.

Туда я должна была улететь еще вчера. Мама заранее по-

заботилась о билетах и умудрилась за неделю сделать мне визу.

Настоящее чудо, учитывая все сложности и сроки. Впрочем, сейчас я не уверена, что этим занималась именно она.

– Соображаешь, – хвалит Михаил. – Квартира и работа в Осло никуда не делись, – подтверждает мои догадки.

– И Паша повезет меня в аэропорт?

– Вылет завтра утром. Охрану на ночь я выделю. – Склоняет голову набок. – Постарайся не профукать и этот билет. У меня нет времени лично следить за тем, как ты проходишь паспортный контроль. Буду надеяться на мышечную память.

Он с явным намеком пялится куда за мою спину. Вроде бы никаких угроз, но попа вспыхивает, как от нового шлепка.

– Значит, за всем стояли вы!

От вздоха облегчения одеяло сползает с плеч. Я испуганно хватаюсь за него, однако слишком поздно – успеваю перехватить только у самой груди, обнажив ключицы и верхнюю часть груди.

Не так уж много, но Михаилу, кажется, хватает.

Взгляд голубых глаз становится еще суровее. Желваки – еще четче. А мощная челюсть по-бульдोजьи выезжает вперед, демонстрируя такую степень раздражения, будто я до глубины души оскорбила Его Величество своим случайным недостриптизмом.

– Простите, я не... – Судорожно подтягиваю ткань еще выше.

– Не нужно! – обрывает он так резко, что вздрагиваю.

«Наверное, думает, что я специально. Отрабатываю на нем один из маминых приемов», – от этой мысли хочется укрыться с головой или вообще выпроводить его из комнаты.

– Тогда можно узнать, зачем вам вообще возиться со мной? – ворчу обиженно.

– Считай, что выиграла в лотерею.

Михаил неожиданно тянется к прикроватной тумбочке. Наклоняется через кровать. Через меня.

– Что за?.. – хочу спросить, что он задумал. И осекаюсь.

Плечо проходит в опасной близости от моего лица. Черный гольф касается одеяла. Так близко, что я вижу несколько царапин на сильной шее. Чувствую запах – кедр, табак и что-то еще, очень мужское. Слышу, как мерзавец дышит – тяжело, напряженно.

Кажется, еще чуть-чуть и...

Пугаясь своей догадки, я инстинктивно отшатываюсь к мягкому изголовью. Изо всей силы вжимаюсь в него лопатками. Не дышу.

– Отомри, – издевается этот подлец.

– Зачем вам телефон?.. – только сейчас понимаю, что именно так заинтересовало моего тюремщика.

– Это мой номер. – Михаил без спроса берет мобильный. Не обращая внимания на мой ошалевший вид, вводит пароль. И звонит... – На всякий случай.

После короткого гудка равнодушно швыряет телефон об-

ратно.

– Боитесь, что соскучусь? – не знаю, какой черт дергает за язык.

Похоже, у меня какая-то редкая форма психоза от общения с этим мужчиной. Своего рода – взаимная непереносимость.

– Очень боюсь. – Он идет к двери и, обернувшись, бросает: – Постарайся не звонить.

Глава 12

Влада

Разговор с юристом проходит будто мимо меня.

Я прихожу, когда в гостиной уже все в сборе. Но мыслями тут же улетаю к Паше, а затем – в Норвегию, где никогда не была и о которой почти ничего не знаю.

В отличие от меня, мама ловит каждое слово симпатичного молодого юриста, сына папиного адвоката. А Михаил гордо подпирает стену широкими плечами.

– Итак, – после короткого знакомства начинает адвокат, – ваш отец перед смертью запатентовал технологию, над которой работал последние годы. Алгоритм поведенческой биометрии шифрования. Уникальная разработка. Десять лет назад об этом даже не думали. Всем хватало паролей и кодов. Однако сейчас технологии изменились. И возник резкий спрос на поведенческие штуки.

– А что это значит? – удивленно моргает мама.

– Если кратко – то программисты вашего отца придумали, как можно идентифицировать пользователей по их поведению в сети. Скорость набора текста, быстрота ответа, моторика, типичные ошибки и прочее.

– И теперь эта технология стоит много денег? – подается вперед мама.

– На данный момент банки и многие другие компании го-

товы платить миллионы за права на нее.

– Миллионы рублей?

– Долларов, конечно, – смущенно улыбается юрист. – Более точную сумму, к сожалению, сказать не могу. Это немного не наш профиль.

– А покупатель?.. – кажется, в маминой голове уже включилась счетная машинка. – Его трудно найти?

– Предполагаю, что это решаемо.

– Шумский, скорее всего, уже нашел, – невесело добавляет наш тюремщик.

– Если так, – продолжает Бояринов, – то ему достанется не такой уже большой кусок пирога. Господин Покровский выкупил у акционеров львиную долю акций. У Шумского и Сотникова всего по десять процентов.

– И пока компания не продала патент, их задача – вернуть себе акции, – завершает за юриста Михаил.

– Значит, вот почему он предложил мне кредит в обмен на акции, – мама обхватывает голову. – Я думала, они ничего не стоят. Чуть не согласилась.

– Благородство в таких вопросах – крайне редкая вещь, – усмехается Бояринов. – Все преследуют какие-то цели.

– Именно! – решительно кивает головой мама.

А меня внезапно осеняет.

Один «благородный» бизнесмен предложил маме деньги, а другой...

Я медленно, стараясь не привлекать к себе внимания, по-

ворачиваюсь к Михаилу.

Он появился в маминой жизни ровно тогда, когда Шумский начал давить. Предложил защиту. Нашел мне работу за границей. Приютил нас в своем доме.

Что если за этим тоже стоит умысел?

Что если он не защитник, а всего лишь еще один проходец, который мечтает получить права на патент и гору денег?

«Мы попали», – осознание прибывает к сиденью дивана. И я не сразу чувствую вибрацию своего мобильного.

Телефон вибрирует в кармане джинсов третий раз, прежде чем я наконец вытаскиваю его.

На экране неизвестный номер. Прикрыв рукой рот, чтобы не мешать разговору юриста с мамой, я принимаю вызов.

– Слушаю, – шепчу.

– Влада, это я, – голос Паши звучит взволнованно. – Ты меня заблокировала, потому звоню с телефона Славика. Хочу сказать, что я уже приехал. Стою у ворот.

Сердце начинает колотиться так, будто я снова на трассе и впереди летит огромный квадратный джип.

– Влада, что случилось? – замечает мое состояние мама.

– Можно тебя на минуту? – киваю в сторону коридора. – Пусть мужчины здесь все обсудят.

– Только если на минуту.

Она хмурится, но все же поднимается следом и идет со мной в коридор. Стоит закрыть дверь, я взволнованно шеп-

чу:

– За мной приехал Миша.

Мама непонимающе пожимает плечами.

– И что?

– Поедем вместе! – прошу, уже представляя, как мы сваливаем из этого дома, подальше от Михаила, от Шумского, от всего этого кошмара. – Ты, я и Паша. Прямо сейчас!

Она фыркает, отворачиваясь к окну с таким видом, словно я предложила переночевать в палатке.

– Не для того я отчитывала этого идиота, чтобы потом еще ехать в его халупу.

– Мам...

– Влада, у тебя слишком буйная фантазия, – перебивает, не глядя на меня. – Я остаюсь здесь.

Делаю шаг ближе и, понизив голос, шепчу:

– А ты не думала, что у Михаила свой умысел? Что он тоже хочет получить патент?

Она так резко отталкивает меня, будто я решила ее испачкать.

– Что? – смотрит как на душевнобольную.

– Подумай! Он появился одновременно с кредитом Шумского. Предложил защиту, приютил нас. А теперь...

– Милая, – мама качает головой. А во взгляде читается смесь жалости и раздражения. – Михаил не акционер. Он не требует от меня акции. Они ему нафиг не сдались!

– Тогда... может быть, что-то другое. – Не могу сходу ни-

чего придумать. – Может, он работает на кого-то. Или...

– Влада, – закатывает глаза. – Поезжай со своим парнем. Позволь взрослым заниматься взрослыми делами, хорошо? И не рассказывай никому больше эту чушь! Не позорь меня, пожалуйста.

Я открываю рот, чтобы возразить, но она уже разворачивается и идет обратно в гостиную.

«Взрослые дела», – повторяю я про себя, набирая Пашу. – «Конечно. Куда мне?».

– Я выхожу. Жди у ворот.

Спустя пять минут я уже стою у подъезда с рюкзаком на плече и наблюдаю, как охранник открывает массивные ворота.

За ними – знакомая серебристая бэха. Та самая, которая «сломалась» и была «в ремонте».

Паша выходит из-за руля. Улыбается мне, широко, по-мальчишески. И напряжение последних дней немного отпускает.

– Привет, детка.

Останавливается в паре шагов, раскрывая руки для объятий.

– Ты клялся, что машина в сервисе, – кошусь на капот.

Паша на секунду теряется, потом отмахивается с таким беззаботным видом, словно речь идет о пустяке.

– А, это... ну, они быстро справились. Оказалось, все не

так уж страшно. Контакт отошел.

– Контакт, – повторяю я тихо.

– Ага. – Он забирает мой рюкзак, небрежно кидает на заднее сиденье. – Ну что, поехали?

Открывает дверь с галантностью, которой обычно не отличается. Сам застегивает на мне ремень безопасности. И махнув охраннику, идет за руль.

«Все. Я свободна», – думаю я, откидываясь на спинку сиденья.

Душу все еще гложет вина за то, что не убедила маму. В голове крутятся мысли о папином патенте и миллионах. Однако когда выезжаем за ворота все эмоции и мысли сменяются новыми, неожиданными и неприятными.

– Ну что, сладкая, – говорит Паша, положив руку на мое бедро. – Покажешь дома, как по мне соскучилась? Будешь хорошей девочкой за то, что я все так быстро порешал и примчался к тебе... по первому зову?

Глава 13

Влада

– Ты заметил машину, которая едет за нами? – спрашиваю
я спустя пятнадцать минут дороги.

Паша быстро косится в зеркало заднего вида, хмурится.

– Да, заметил, – пожимает плечами, словно это не имеет
значения. – Они на хвосте с усадьбы.

– Это Михаил, – меня озаряет.

Он говорил, что приставит охрану. Однако мы так быстро
уехали, что я думала – забудет.

– Что? – Паша хмурится сильнее.

– Охрана. Он обещал приставить людей, чтобы прокон-
тролировать, что я доеду до аэропорта.

– А! – хмыкает. – Ну, раз так, то все нормально. Пусть
катаются, если им делать больше нечего.

Стараясь не думать о руке на моем бедре, я снова пялюсь
в зеркало.

Там без изменений. Черный внедорожник едет ровно, не
приближаясь и не отставая, как привязанный. Настоящий
кортеж для важной персоны.

– Паш, а ты знаешь Михаила?

– Кого?

– Михаила... – я пытаюсь вспомнить фамилию, – Юсупо-
ва. Любовника моей матери.

Машина легонько виляет в сторону обочины.

– Влада, с чего вдруг? – звучит раздраженно. – Я вообще не в курсе, кто это.

А вот это уже странно. Михаил слишком горячо отзывался о Паше – «задохлик». Вряд ли он выяснил это по фото или из рассказов мамы. Скорее всего, эти двое виделись и даже общались.

– Он сказал, что связывался с тобой, – вру я, не моргнув глазом. – Это какие-то мужские тайны?

Паша зло выдыхает и сжимает руль так сильно, что белеют костяшки пальцев.

– Ладно, да, – наконец, сдается он. – Этот чувак приезжал ко мне. Попросил присмотреть за тобой. А сегодня написал, что вечером вышлет билеты в Осло.

– И все? – повторяю я, всматриваясь в его профиль.

– Ну да. Корешами мы не стали, если тебе это тоже интересно.

– Я догадалась.

Не нравится мне его реакция. Сначала лжет о знакомстве, хотя именно Михаил должен прислать билеты. А теперь еще злится.

Либо Паша что-то скрывает, либо из-за всех сегодняшних новостей моя фантазия пошла в разнос. Лучше бы, конечно, второе. Однако если первое...

– Паш... – хочу уточнить, когда именно они виделись.

– Влада, хватит! – обрывает он резче, чем нужно. – Я

устал. Давай просто доедем до дома, отдохнем, и завтра я отвезу тебя в гребаный аэропорт. Хорошо?

Его рука стискивает мою ногу так сильно, что вскрикиваю:

– Ай! Ты что творишь?! – сталкиваю ее с себя.

– Не хочешь тискаться, тогда хотя бы не отвлекай, – ворчит, вжимая в пол педаль газа.

И я окончательно закрываю рот.

Квартира Паши встречает знакомым запахом – кофе, мужской парфюм и что-то затхлое, будто здесь давно не открывали окна.

Едва я успеваю снять куртку, Паша закрывает дверь на замок и сразу же обнимает меня сзади. Прижимается всем телом так плотно, что я через джинсы чувствую его возбуждение.

– Детка, я так соскучился, – шепчет на ухо, а рукой уже лезет к груди. – А завтра ты вообще свалишь. Сдрочусь на хрен в одиночестве.

Я застываю, пытаюсь заставить себя расслабиться, ответить на его прикосновения, но тело словно деревенеет. Ни возбуждения, ни хотя бы равнодушия – одна безгливость.

– Паш, подожди...

– Нет, детка, я не могу больше ждать, – тянет вверх мой свитер. – Давай сейчас потрахаемся, а потом будешь триндеть, о чем захочешь.

Он ловко расстегивает пуговицу на моих джинсах. Нырять ладонью под белье.

– Ты слишком спешишь.

Кажется, я начинаю ненавидеть его руки. Куда только делся тот парень, который умел угадывать мои эмоции, был терпелив и мечтал, чтобы мы стали семьей?

С чего вдруг такие резкие изменения и грубость? Или Паша был таким всегда, а я упрямо не замечала?..

От последней мысли становится совсем хреново.

Мама осталась за городом с подозрительным Михаилом. Я здесь со знакомым и одновременно незнакомым Пашей. И где-то в Питере, мечтая о папином патенте, дожидается своего часа Шумский.

– Влада, будь благодарной, хорошо? Я бросил ради тебя все дела. – Паша толкает меня на диван и нависает сверху.

– Хорошо, твоя взяла. Разреши хотя бы сходить в душ, – поправляю свитер.

– Потом помоешься. – Паша пытается вклинить колено между моих ног. – Сначала я. Я так долго ждал...

– Нет, сейчас! – повышаю голос.

Пока не случилось что-то ужасное, нужно привести его в чувства.

– Влада, ну что ты за женщина?! – морщится, будто я его ударила.

– У меня сегодня был очень насыщенный день. Я вся потная и грязная. Поверь, тебе самому не понравится.

Аккуратно вылезаю из-под него и пачусь в сторону ванной комнаты.

– Ладно, пять минут! – бросает он недовольно.

– Как получится!

Схватив рюкзак, ныряю в ванную и запираюсь на замок с таким облегчением, словно только что спаслась.

Глава 14

Влада

Открыв в душе воду на максимум, я быстро раздеваюсь и встаю под обжигающие струи. Подставив лицо под поток, стараюсь смыть с себя не только усталость дороги, но и прикосновения Паши, его слова, запах и руки.

Не думаю ни о каких пяти минутах. Не спешу. Обычно вода помогает мне расслабиться, однако сейчас любимое лекарство не работает.

«Будь благодарной», – эхом отдается в ушах.

«Давай сейчас потрахаемся, а потом будешь триндеть», – отвратительная просьба не выходит из головы.

Закрыв глаза, упираюсь лбом в холодную плитку. Переключаюсь на ощущения. Чувствую, как вода стекает по макушке и плечам, по бедрам и ногам. И как заколдованная, снова возвращаюсь к вопросу: что за чертовщина происходит в моей жизни?

Я будто попала в параллельную реальность, где у всех другие характеры. Где вместо парня, который водил меня по ресторанам, покупал цветы и говорил комплименты, живет хамоватое недоразумение. А вместо моих спокойных будней и работы – загородная усадьба, густой лес и Норвегия.

Смешно – только вот улыбнуться не получается. Тревога глушит любые попытки рассмеяться и невидимой удавкой

сжимает шею.

Чтобы хоть как-то успокоиться, я начинаю дышать по квадрату.

Вдох – раз, два, три, четыре.

Задержка – раз, два, три, четыре.

Выдох – раз, два, три, четыре.

Задержка...

Повторяю несколько раз, считая про себя. Рисую этот квадрат в мыслях, и напряжение постепенно отпускает.

– К черту все! Хватит прятаться! – с этими словами я выключаю душ и начинаю одеваться.

Паша салютует мне бутылкой пива.

– Ну, наконец-то. Я уж думал, ты там утонула, – его губы расплываются в хмельной улыбке.

– Паш, – остановившись в паре метров от дивана, я скреещаю руки на груди. – Секса не будет.

– Что?! – открывает рот.

– Прости, я не хочу.

Рука с бутылкой опускается на пол, улыбка гаснет.

– Что за развод? Ты издеваешься?

– Я устала. И сейчас лягу спать. На диване, – произношу с ударением на последнем слове, чтобы не осталось никаких сомнений.

– Ну, – Паша, как ребенок, обиженно поджимает губы.

Готовясь ко второму акту скандала, я вспоминаю про свой

«квадрат». Но Паша удивляет.

Так ничего и не сказав, он лениво встает. Идет в спальню и спустя минуту возвращается оттуда с подушкой и пледом в руках.

Швыряет их на диван. И ровно, без эмоций произносит:

– Как скажешь, принцесса. Спокойной ночи.

Потом уходит в спальню и так тихо закрывает за собой дверь, что я даже не слышу щелчка.

После странного выступления Паши я примерно час ворочаюсь с бока на бок – никак не могу уснуть. В мыслях жужжит рой вопросов. А перед глазами почему-то мелькает лицо Михаила.

Просыпаюсь в семь – резко, от какого-то звука – то ли хлопнула дверь, то ли в квартире что-то упало.

Потирая глаза, принимаю вертикальное положение. И буквально в ту же секунду из спальни выходит Паша – уже одетый, бодрый и с ключами от машины.

– Доброе утро, – улыбается он широко, по-мальчишески. Как раньше. – Билеты от вашего покровителя пришли. Вылет через три часа.

– Что? – моргаю я, еще не до конца проснувшись.

– Билеты в Норвегию. Михаил прислал, – кивает он, застегивая куртку. – Собирайся быстрее. Я пойду, прогреею машину, чтобы моя принцесса не мерзла.

Он наклоняется, целует меня в макушку – быстро,

небрежно. И, насвистывая что-то веселое, выходит из квартиры.

Наверное, нужно порадоваться – никто ко мне не пристаёт, уже скоро я буду далеко отсюда и смогу забыть Пашу, как страшный сон. Нет ни одного повода для тревоги. И все же на душе беспокойно.

Паша слишком радостный, слишком бодрый, слишком довольный собой.

Может, есть что-то еще, о чем я не знаю?

Собираясь позвонить ему, я опускаю ладонь на пол. Пытаюсь нащупать свой мобильный... но его нет.

– Что?.. – скатываясь с дивана. – Не поняла!

Быстро шарю рукой под диваном и под креслом.

Пусто.

– Я же не убирала его? И заряд был полный!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.